

БАЛЕТ, РАЗБИВАЮЩИЙ
ПРЕДРАССУДКИ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Я был в водолазной экспедиции на Красном море, когда до меня дошла новость, что балет Большого театра собирается на гастроли в Лондон. Это было еще в июне. Наделся к тому времени вернуться в Лондон, я сразу же написал, чтобы мне доставили как можно больше билетов. А теперь я считаю себя счастливым, что мне удалось получить два билета при том неслыханном ажиотаже, когда любые места в любой части Ковент-Гардена берутся с бою. Мы никогда здесь не наблюдали ничего похожего на этот колоссальный наплыв желающих повидать балет Большого театра. Сегодня утром я взял «Таймс» и прочел в разделе «Частных объявлений» с полдюжины отчаянных призывов охотников приобрести по любой цене билеты на советский балет, а также много предложений обмена билетов — вместо одного спектакля на другой. Создался даже своеобразный жаргон этих объявлений, например, вы читаете такой текст: «Большой два партерных Ромео на два Бахчисарай любые места». Критики использовали уже, пожалуй, в своих рецензиях все известные им восторженные слова, превознося искусство Улановой. Впервые оказалось, что термин «прима-балерина assoluta» так щедро применяется в отношении современной антрисы. И хотя в самых последних рецензиях усилились брюзгливые ноты, это насколько не меняет того первого потрясающего впечатления, которое произвел на английских зрителей советский балет. Чем же все-таки объяснить это впечатление? Почти все критики отметили великолепную танцевальную технику всей труппы и именно потому находят в ней тончайшее искусство, что техника не выпирает наружу, а почти скрыта игрой каждого человека на сцене, реалистической трактовкой образов. Нам приходилось слышать такую оценку всего советского: у них, мол, техника — самоцель; теперь, однако, мы поняли, что эта оценка была ложной. Воплощение образов в танце — это больше, чем техника, хотя техническая сторона тоже оказывается бесподобной. Я извратил бы правду, если бы не сказал, что тавеп Улановой выше всякой критики, ибо почти невозможно найти слова, которые способны были бы выразить то впечатление, которое создает она в ролях Джульетты и Жизелы.

Стручкова, Нина Тимофеева и Римма Карельская, по всеобщему мнению, являются ценным приобретением для советского балета — такие молодые, они уже законченные артистки. Тимофеева и Карельская выступали в «Лебедином озере», а Стручкова — в «Бахчисарайском фонтане». Английским театральным обозревателям не очень понравился «Бахчисарайский фонтан» как балет, главным образом потому, что мы в настоящее время боимся романтической приподнятости. Кстати, это разблачивает еще одну ложь: что в советском искусстве не осталось больше романтики. Теперь уже мы стали находить даже чересчур много в нем романтики. Я, однако, все равно не разделяю этих взглядов.

Разумеется, «Ромео и Джульетта» для английского восприятия более доступны. Все сходится на том, что «Ромео и Джульетта» — это великолепный балет.

Изумление вызывает мужская часть труппы, ибо она состоит из очень мужественных актеров. Советского читателя это может удивить, но мы у себя привыкли к более скованному в движениях мужчине — балетному актеру, иной раз даже как-то неловко бывает на них смотреть. А здесь наоборот: Кондратов, который выработал в себе черты, пожалуй, величайшего балетного актера: Ермолаев, чьи великолепные поддержки каждый день упоминаются в газетных статьях; Жданов, Гофман и Фадеечев, срывающие восторженные аплодисменты публики на галерее; Сергей Корень, о котором рецензенты пишут в восторженных выражениях; Фармазянц, тоже пользующийся вниманием печати. Да любой из них по-своему завоевал себе признание!

Дирижер Юрий Файер с большим проникновением показал, что значат в балете музыка и оркестр. И театральные обозреватели без устали изумленно повторяют, что Файеру удается вести оркестр за актерами, вместо того чтобы было наоборот, как мы к тому привыкли у себя в Англии.

Мне кажется, что английский зритель — хороший, благодарный зритель, и советские артисты оценили его и очень тепло отвечают на его чувства.

Может быть, советским читателям интересно будет знать, что среди публики в Ковент-Гардене преобладают политически мыслящие, так называемые прогрессивные англичане. Это, в основном, буржуазная публика, которая, вероятно, основательно предубеждена против Советского Союза. Но эта публика очень горячо принимает выступления советского балета, и таким образом каждый вечер балет Большого театра разбивает тысячу застарелых, цепких предрассудков, восхищая лондонцев своим танцем.

ЛОНДОН, 22 октября. (По телефону)